

Атаманша

Все утро дядя Боря осматривал ферму племянника Сени, вздыхал, охал, сплевывал, покачивая головой, глядя на сорняки, на тощих свиней, безголосых петухов и почему-то вымазанных в мазуте бычков с тусклым взглядом запавших голодных глаз. А потом-таки сказал:

— Придется звать на помощь Атаманшу. Мееровичу помогла, Черняку спасла ферму. Может, и тебе повезет...

На следующий день к фермерской усадьбе подкатил синенький «жигуленок», из которого вышла Атаманша — крупная, красивая дама с туго заплетенной косой. Несколько часов она обходила фермерское хозяйство и только потом вошла в дом, обмахиваясь косынкой от жары и надоедливых мух.

— Может, стаканчик кофе? — засуетилась Варька — сожительница Сени-фермера.

Атаманша взглянула на нее, подошла поближе:

— Кофе, говоришь? Благодарю, благодарю... Но лучше бы ты, бесстыдница рыжая, зад прикрыла!

— Я — в бикини! — проверещала Варька.

Атаманша так посмотрела на нее, что дядя и племянник вместе сели на сломанный стул, хотя сегодня Сеня хотел его выбросить.

— Да у твоего фермера не хватит всей его загаженной фермы, чтобы купить тебе бикини! Вон как за два месяца «любви» испохабил хозяйство! И вот что, деточка, я тебе скажу: снимай-ка ты свои часики, сережки, колечки, да попрощайся со своим фермером!

Атаманша потянулась было к перстеньку, но Варька запротестовала: — Это мне Владимир Петрович подарил, когда я у него секретаршей работала! — Перстень этот ты завтра же вернешь его жене. Не сделаешь, — пеняй на себя, я, как ты знаешь, своими руками собираю раздробленные косточки у травмированных людей. Так что пересчитать твои мне ничего не стоит.

Варька поспешно кивнула и унесла ноги от греха подальше.

Атаманша тяжело опустилась на стул. Сеня сидел бледный, пот капал с его носа, но он боялся пошевелинуться.

Они долго молчали. Наконец, Атаманша достала из сумочки большой лист бумаги и ручку: — Бери и записывай! Работаешь по такому плану... За три дня уничтожаешь все сорняки. И не косой, а сапochкой, чтоб ни одного бурьяна не осталось. Нанимай людей, приглашай друзей, — как хочешь. Это — первое. Дальше... Пиши, пиши! Дальше закупаешь корма на год, закармливаешь птицу и животных. А сегодня вычистишь коровник и свинарник. И чтоб там хорошо пахло!

— Да у меня нет ни копейки на разные корма! — Сеня чуть не плакал, а голос Атаманши гремел, как Иерихонская труба:

— Даю кредит! Сама звоню на комбикормовый завод — корма тебе доставят прямо сейчас, прямо сюда! Но потом... Смотри мне!

Кулак Атаманши угрожающе поднялся прямо над Сениной головой:

— В-третьих, наводишь порядок в доме. Идеальный! Вплоть до побелки потолков и покраски полов! Но самое главное — через неделю езжай к своей жене. Вези подарки, цветы, слезно, на коленях проси ее и дочь вернуться. Ты же еврей, а что с семьей сделал?! И чтобы с утра до позднего вечера работал ты, а не жена. И, смотри, — не обмани меня! Я тебя кодирую!

Еще какое-то время Атаманша трясет кулаком уже перед самым носом горе-фермера, а потом неспешно отъезжает на своем синем «жигуленке».

«Закодированный», обнадеженный, счастливый Сеня немедленно принимается за работу.

Атаманша же подъезжает к своему домику, заходит в сад, где одиноко стоит раскладушка с тяжело больным мужем, и садится рядом:

— Как ты, родной?

— Устала, голубка? — еле слышно вздыхает больной.

Она целует его ослабевшую руку и влажный лоб и украдкой вытирает набежавшие слезы.
— Родной мой, родной...